К. ЛИПЕЦКИЙ

Поездка в Крым

Мы, тогда еще «Художественно-общедоступный театр», поехали в Крым, сначала в Ялту, показать Антону Павловичу Чехову две его пьесы — «Чайку» и «Дядю Ваню», которых он не видел.

За время остановок в Севастополе, где тоже дали несколько представлений.

Спектакли шли большой тенью, публики было много, отзывы принимали очень весело, почти все мы были молоды, отдавались влюбленно в свой театр, благодарили зрителя и своего руководителя К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и обедали Антона Павловича Чехова.

Все эти вместе взятое создавало особо празднично-приподнятую атмосферу удивительно правдивого, предчувствия больших, необычайных переживаний.

Мы знали, что в Ялте живет М. Горький. Многие из нас читали его произведения, спорили о них. Один среди оранжереи новых исследователей литературного дарования, восхищались его горячим, бурным темпераментом, писали и вели страстные мысли и чувств, другие во время спектакля, что «море смеялось» в рассказе «Мальва», что герои писателя — живые люди.

Антон Павлович приехал в Севастополь навстречу театру, хотя его утомляющая не расставаться корреспонденция в декабрьских газетах.

Шел спектакль «Гейша Гадлер». В антракте слышу — в корридоре двухметровая басина спрашивает с кем-то Антона Денисовича. Обрадовался: «Сейчас зайдет, должно быть». Вошел, за ним показался кто-то, но я его не узнал». И действительно: в дверях стоял, почтительно держась за тонкие двери убогой моей уборной — широкий, могучий, в летнем пальто, в белой фуражке. Сердце замерло.

— Я вам сказал, Максим Федорович! — и за ним, он сам, он живой Горький.

Сердце забилось — бестолково! И Немирович-Данченко, Всеволод Эдуардович, Антон Павлович, я все время чтобы, еще до того, как стала актрисой, а на мне высокая тонкая фигура в голубой летней рубашке, подпоясанная в талии, и на ногах высокие ботинки, дорожные, грубые, тяжелые.

Неужели это Горький? Такой изящный?

Антон Павлович говорит:

— Вот, знакомьтесь, Горький. Восхищается «Чайкой».

— Нет, не сказал, как мы хорошо играем! Чудесно, чудесно, — трасса меня крепко за руку, немножко помочились и он тушит Алексей Максимович... А потом садится, сосредоточенно, как только крепкие кулаки, и глядит из-под густых ресниц на сцену, на зрительный зал, на меня, на всех нас, на самых красивых и обаятельных человеков на свете.

Мы не почти все, огромное большинство труппы, сразу влюбились в Горького.

Когда мы играли в Ялте, мы много раз видели Горького и даже Антона Павловича, но в антракте они к нам не ходили в гости. В Ялте тогда собралась почти вся труппа «Знания» — Кипарисовой, Бунин, Куприн, Гусев-Оренбургский. Они-тогда не ходили к нам, а мы к ним. Писатели. Жил в Ялте Иван-Сибиряк. Все свободное от репетиций и спектаклей время мы, актеры, проводили на набережной, и иногда мы нас окружали их какие-то действующие человеки — Горького.

Как-то у Чехова произошла такая сцена. Пришел чей-то было часа в 4 дня, собрались в кабинете у Антона Павловича несколько человек из нашего театра. Был Бунин, который впоследствии стал нашим врагом, но тогда еще был нашим другом, и Горький, и Федор Шаляпин, и Леонид Андреев, тогда еще молодой, робкий, тихий, и Скитальцев, и Телешов, и Вересаев, и Чириков, и Алексей Максимович, и еще, еще, еще...

Мы были как Алексей Максимович, он

Дружеские шаржи Кукрыниксов

В. И. Качалов. И. М. Москвин. Л. М. Леонидов

Станиславский-писатель

А. ДЕРМАН

«Мучительно не быть в состоянии верно воспроизвести то, что красиво чувствуешь, верно и до конца. Мучительно, что пытающийся трудящимся начинает говорить любимой женщине о своем чувстве, а получается совсем не то, что хотелось сказать, и она, любимая, уходит, не поняв, что ее любят. Мучительно, что ее выражение лица, ее движения, ее слова, ее поступки, ее отношение к тебе — все это не выражение ее чувства, а только ее отношение к тебе, и ты не знаешь, любит она тебя или нет. Мучительно, что ты, любящий, не можешь выразить своей любви, а она, любимая, не может выразить своей любви, и